

УДК 343.2/.7

DOI: 10.17223/22253513/30/6

А.А. Нечепуренко, В.В. Бабурин

**«СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ»
КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ
ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Показана противоречивость решений Верховного Суда Российской Федерации по поводу такого важного вопроса, касающегося практики применения освобождения от уголовной ответственности, как разъяснение понятия «лицо, впервые совершившее преступление». Анализируются точки зрения ученых и практических работников правоприменительных органов, критикующих подобный подход. Приводятся аргументы в пользу собственной точки зрения на решение поднятой проблемы, формулируется авторское видение содержания указанного понятия.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судимость, вина, осуждение, лицо, впервые совершившее преступление.

Одним из наиболее спорных в теории уголовного права является вопрос об обоснованности существования института освобождения от уголовной ответственности. Данный институт еще в рамках УК РСФСР 1960 г. постоянно совершенствовался, дополнялся новыми нормами и все шире применялся вплоть до начала 1990-х гг. Так, в 1990 г. 40% всех выявленных лиц, совершивших преступления, не были осуждены по приговорам суда, вступившим в законную силу. Абсолютное большинство таких лиц было освобождено от уголовной ответственности по различным нереабилитирующим основаниям [1. С. 19]. На этом фоне в заключении Комитета конституционного надзора СССР нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позволяющие признавать лицо виновным в совершении преступления и освобождать его от уголовной ответственности, были признаны противоречащими Конституции СССР. Законодателю предлагалось устранить указанное противоречие в процессе обновления соответствующего законодательства [2]. Заключение, безусловно, было глубоко продуманным, об этом свидетельствует тот факт, что докладывав по рассматриваемому вопросу член Комитета конституционного надзора известный ученый В.Д. Филимонов, который сделал акцент на несоответствии Конституции СССР такого основания освобождения от уголовной ответственности, как изменение обстановки [3. С. 238–239]. Верховный Совет СССР проигнорировал это указание и в принятых 2 июля 1991 г., но так и не вступивших в силу, Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик сохранил возможность освобождения от уголовной ответ-

ственности лиц, совершивших преступления, по основаниям и в порядке, предусмотренным уголовными кодексами республик, отметив, что подобное освобождение должно производиться судом и не допускается, если лицо, совершившее преступление, против этого возражает (ст. 48 Основ).

После распада СССР вопрос о конституционности основания освобождения от уголовной ответственности «изменение обстановки» возник в практике уже Конституционного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 28 октября 1996 г. признал его соответствующим Конституции Российской Федерации. В тексте указанного постановления содержится информация, что уже после обращения О.В. Сушкова в Конституционный Суд его жалоба была удовлетворена Военным судом Московского гарнизона, постановление Главной военной прокуратуры об освобождении данного гражданина от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки отменено и дело в отношении него 15 сентября 1996 г. прекращено на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления [4].

Отметим, что на тот момент освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки практиковалось достаточно широко. Только судьями принималось в год свыше 10 тыс. таких решений (2001 г. – 11 687; 2002 г. – 12 898; 2003 г. – 10 245) [5. С. 54]. Значительно больше лиц освобождалось по названному основанию на стадии предварительного расследования. Понятно, что так динамично и массово обстановка меняться не могла, и практика освобождения от уголовной ответственности по данному основанию была сопряжена с серьезными нарушениями законности. Не случайно анализируемая разновидность освобождения от уголовной ответственности (ст. 77 УК РФ) Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ была упразднена, и введено аналогичное основание освобождения от наказания (ст. 80¹ УК РФ). Уже через год по новому основанию было освобождено от наказания всего несколько сотен человек, и с тех пор практика его применения не расширялась. Так, в 2017 г. по всей стране по указанному основанию были освобождены всего 190 осужденных. Таким образом, сам факт перевода основания освобождения от уголовной ответственности в основание освобождения от наказания, влекущее признание лица виновным по приговору суда, привел к уменьшению практики подобного освобождения в десятки раз. Очевидно, что остальные лица, ранее освобождавшиеся от уголовной ответственности по этому основанию, в своем большинстве не столько привлекаются судом к уголовной ответственности, сколько освобождаются от нее по другим основаниям.

Наиболее массовый характер носит освобождение от уголовной ответственности по основанию «примирение с потерпевшим» (ст. 76 УК РФ). Только на судебной стадии в 2013 г. по одному этому основанию было прекращено 185 071 уголовное дело. Данная практика несколько снизилась в 2017 г., составив 135 971 уголовное дело. Всего по нереабилитирующим основаниям, закрепленным в УК РФ, в этом году судом было прекращено

179 853 дела [6]. Если даже не принимать во внимание достаточно обширную практику освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии, сведения о которой отсутствуют в открытом доступе, то и в этом случае можно представить, насколько увеличился бы весь комплекс затрат на функционирование системы уголовной юстиции в случае ликвидации не отдельных норм, а всего института освобождения от уголовной ответственности. Понятно, что в сложившейся ситуации, несмотря на весомые аргументы ученых по поводу противоречия института освобождения от уголовной ответственности ст. 49 Конституции Российской Федерации [7. С. 30–46; 8. С. 493–497; 9. С. 22–26], законодатель в обозримом будущем не пойдет на его упразднение. Другое дело, что недостатки такого реагирования на совершение преступлений должны по возможности нивелироваться взвешенной практикой применения статей гл. 11 УК РФ.

Показательно, что Верховный Суд Российской Федерации оперативно откликается на законодательные изменения института освобождения от уголовной ответственности. Так, вскоре после введения Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ статьи 76² УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»), уже 29 ноября 2016 г. он издал постановление, касающееся главным образом сложных вопросов применения введенного основания освобождения от уголовной ответственности [10].

Вместе с тем стратегические проблемы, касающиеся обоснованности применения всех норм института освобождения от уголовной ответственности, долгое время остаются неудовлетворительно решенными. Речь идет, в частности, о необходимости уяснения законодательного смысла понятия «совершение преступления впервые». Важность данного вопроса трудно переоценить. Констатация наличия у лица, привлекаемого к уголовной ответственности, признака «совершение впервые преступления определенной категории (категорий) либо преступления, предусмотренного определенной статьей (статьями) настоящего Кодекса» во многих случаях влечет для такого лица наступление благоприятных правовых последствий, связанных с ослаблением уголовно-правового принуждения вплоть до отказа государства от его осуждения. В Общей части УК РФ названное понятие в различных вариантах употребляется в девяти статьях (ч. 1 ст. 53¹, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76¹, ст. 76², ст. 80¹, ч. 6 ст. 88), а в Особенной части УК РФ – в примечаниях к двенадцати статьям, которые соответственно распространяют действие на следующие тринадцать статей (ст.ст. 127¹, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 205⁵, 208, 282¹, 282², 282³, 337, 338).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации неоднократно обращался к толкованию понятия «совершение преступления впервые». Так, в п. 20 постановления «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» Верховный Суд применительно к ч. 6 ст. 88 УК РФ указал, что впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько

преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении него не вступил в законную силу [11]. Позднее по тому же поводу в п. 26 постановления от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» он расширил данное понятие, отнеся к впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести не только указанных лиц, но и лицо, судимости которого за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке [12]. В последующем в связи с возникающими вопросами в практике применения института освобождения от уголовной ответственности Верховный Суд дал еще более пространное разъяснение, какое лицо следует считать впервые совершившим преступление. В перечень попало уже не три, а пять категорий лиц, которые фактически ранее совершили преступление, но этот факт в силу различных обстоятельств отнесен к юридически ничтожным. В частности, предложено считать впервые совершившим преступление лицо:

- совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;
- предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;
- предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);
- предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;
- которое ранее освобождалось от уголовной ответственности [13].

Столь широкая трактовка обоснованно вызывает недоумение прежде всего правоприменителей. Особенно неприемлемой и даже абсурдной представляется им ситуация, когда становится возможным многократное освобождение одних и тех же лиц от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, несмотря на указание законодателя, что такое освобождение допустимо только для лиц, совершивших преступление в первый раз [14. С. 51–53; 15. С. 34–36]. Так, старший прокурор уголовно-судебного отдела прокуратуры Архангельской области приводит пример семикратного освобождения гражданина К. от уголовной ответственности по основаниям, закрепленным в ст.ст. 75 и 76 УК РФ. Несмотря на доводы, изложенные в апелляционном представлении, правомерность последнего судебного решения суда первой инстанции была подтверждена Архангельским областным судом. Предлагая внести изменения в уголовный закон или в соответствующее постановление Пленума Верховного Суда в целях недопущения подобных ситуаций, указанный прокурор отмечает, что «ныне

существующий подход неизбежно породит целую когорту ни разу не судимых «рецидивистов», каждый раз впервые совершающих очередное преступление» [16. С. 38].

Попробуем разобраться в весьма важном вопросе о том, могут ли факты погашения и снятия судимости, освобождения от наказания, а также освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, включая освобождение в связи с истечением сроков давности, означать, что преступление, в связи с совершением которого лицо подвергалось уголовно-правовому воздействию, с этого момента следует считать несовершившимся. Именно такой позиции придерживается Верховный Суд Российской Федерации, давая нижестоящим судам и органам, проводящим досудебное расследование, приведенные выше разъяснения.

По поводу рассматриваемой проблемы в научной среде на протяжении ряда лет ведется оживленная дискуссия, в ходе которой высказываются полярные решения перейти к фактическому толкованию понятия [17. С. 87–90; 18. С. 70–82 и др.] или ограничиться его юридическим значением, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. (см., напр.: [19. С. 90–94]). Имеются и компромиссные предложения о корректировке позиции Верховного Суда в части, касающейся совокупности преступлений (см., напр.: [20. С. 21–22]), истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности [21. С. 8–9; 22. С. 10; 23. С. 55–57 и др.], указания на лиц, вообще не совершавших преступных деяний [24. С. 36], и др. Столь разнообразная палитра мнений по данной проблеме позволяет не повторять уже прозвучавшие аргументы за и против позиции Верховного Суда Российской Федерации, а сосредоточиться на обосновании собственного видения выхода из сложившейся спорной правоприменительной ситуации.

В дискуссии допускается смешение понятий «совершение преступления» и «уголовно-правовые последствия совершения преступления». Действительно, законодатель предусматривает аннулирование факта привлечения к уголовной ответственности по истечении установленных в УК РФ сроков, и после этого лицо считается ранее несудимым или не привлекавшимся к уголовной ответственности. Но это не означает, что вместе с уголовно-правовыми последствиями преступления должен аннулироваться факт самого события преступления. Речь идет всего лишь о том, что за данное преступление лицо, его совершившее, не может в последующем привлекаться к уголовной ответственности.

Признание лица, фактически ранее совершившего преступление, юридически его не совершавшим, равнозначно отказу государства от признания его виновным в том деянии, за которое оно привлекалось к уголовной ответственности. Уточним, что означает признание лица виновным в совершении какого-либо преступления. Следует согласиться с А.А. Тер-Акоповым в том, что основной смысл вины заключается в «указании на авторство» конкретного человека в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и наступивших послед-

ствиях. По его мнению, признать лицо виновным – значит вменить ему содеянное, признать, что это именно он, а не кто-либо другой, причинил вред [25. С. 88]. Такой подход позволяет понять, что констатация виновности лица в совершении преступления является не осуждением, а его юридическим основанием.

Важно также отметить, что вывод о виновности лица фактически может быть обложен не только в форму обвинительного приговора. Так, на стадиях судопроизводства, предшествующих вынесению приговора (досудебное и судебное следствие), законодатель требует принять мотивированное, включающее ссылки на имеющиеся доказательства решение о виновности от следователя (дознателя) в форме обвинительного заключения (обвинительного акта) (ст.ст. 220, 225 УПК РФ) и обвинительного вердикта от присяжных заседателей в форме вопросного листа (ст.ст. 339, 343 УПК РФ). Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст.ст. 75, 76, 76¹, 76², 78, 84, 90 УК РФ) также допускается только в том случае, если доказан факт совершения преступления освобождаемым и он не возражает против прекращения в отношении него уголовного преследования по данным основаниям (ч. 2 ст. 27 УПК РФ), т.е. признает свою вину в совершенном преступлении. В этом случае указанный факт закрепляется в постановлении о прекращении уголовного дела (ст.ст. 213, 226, 239, 427, 431 УПК РФ).

Противоречие понимания презумпции невиновности, зафиксированного в ст. 49 Конституции Российской Федерации и полностью воспроизведенного в ст. 14 УПК РФ, с тем, что установлено в упомянутых выше нормах уголовного и уголовного законодательства, очевидно. В связи с этим в правоприменительной практике сохраняется абсурдная ситуация, когда, с одной стороны, на основании постановления о прекращении уголовного преследования лицо не называется виновным в совершении преступления, но фактически им признается, а с другой – в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. проводится мысль, что только приговор, вступивший в законную силу, может свидетельствовать о том, что ранее это лицо уже совершало преступление, и никакой другой процессуальный акт его заменить не может. Поскольку институт освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям закреплён в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, постоянно дополняется новыми нормами, длительное время широко применяется, есть повод усомниться в безупречности действующей формулировки принципа презумпции невиновности. В ней сделан акцент не на доказанности виновности лица в совершении преступления, а на том, что констатация виновности может быть легитимна только в форме приговора суда, вступившего в законную силу. На самом деле необходимо разделить эти два последствия совершения преступления и указать, что вина лица в совершении преступления может быть установлена только в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, а осуждение лица, признанного виновным, и привлечение его к определенной мере

уголовной ответственности может состояться только на основании вступившего в законную силу приговора суда. В этом случае в полной мере соответствовал бы Конституции и иной законный порядок признания лица виновным в совершении преступления при условии, что оно против этого не возражает.

Поскольку большинство обстоятельств, позволяющих, по мнению Верховного Суда, считать лицо совершившим преступление впервые, так или иначе связано с фактом отсутствия у лица судимости, на чем обоснованно делается акцент в юридической литературе, остановимся на анализе содержания данного понятия подробнее.

Действительно, осуждение, как правило, связано с возникновением у осужденного состояния судимости, которое традиционно рассматривается как правовое явление, производное от наказания. Если указанную позицию еще каким-то образом можно было вывести в соответствии с законодательным регулированием института судимости по Уголовному кодексу РСФСР 1960 г., то в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. можно обнаружить хотя и достаточно противоречивый, но уже концептуально иной подход к роли судимости в системе уголовно-правового принуждения. Впервые в уголовном законодательстве России появилось нормативное закрепление временных границ судимости. Согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ лицо считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до момента погашения или снятия судимости. В этих пределах особое правовое состояние судимости существует независимо от того, применяются ли какие-либо еще правоограничения уголовной ответственности. Действительно, осужденный считается судимым до приведения в исполнение обвинительного приговора в течение сроков давности (ч. 1 ст. 83 УК РФ), в период уклонения от отбывания наказания (ч. 2 ст. 83 УК РФ), в течение сроков давности при освобождении от наказания по болезни (ч. 4 ст. 81 УК РФ), в период отбывания наказания или прохождения испытания в форме условного осуждения, а также в установленное законом время после отбытия наказания (ч. 3, 4 ст. 86 УК РФ), в период прохождения испытания в форме условно-досрочного освобождения (ч. 7 ст. 79 УК РФ) и отсрочки отбывания наказания (ч. 1 ст. ст. 82, 82¹ УК РФ).

Более четкая позиция законодателя по отношению к институту судимости, вероятно, способствовала тому, что в последнее время наметилось принципиально иное осмысление соотношения наказания и судимости. Например, А.Ф. Мицкевич, проанализировав уникальные свойства судимости, пришел к заключению, что судимость не является качественной характеристикой уголовного наказания и ее правовая природа значительно отличается от природы уголовного наказания [26. С. 25]. Такой посыл об особом статусе судимости важен, но недостаточен для объяснения характера ее связи с уголовной ответственностью. Для этого представляется своевременным сделать еще один шаг к пониманию судимости и воспринимать ее в качестве содержательного компонента государственного осуждения. Причем речь должна идти о том, что правоограничения суди-

мости являются не дополнительным, а базовым комплексом правоограничений уголовной ответственности [27].

Однако сколь бы ни был высок статус судимости, из сказанного не следует, что аннулирование правового последствия такого юридически установленного факта, как совершение преступления, делает данное событие несостоявшимся.

В подтверждение сказанного обратим внимание, что факт совершения преступления конкретным лицом, процессуально надлежащим образом установленный, независимо от наличия или отсутствия судимости влечет для такого лица и иные неблагоприятные бессрочные правовые последствия, которые указаны в законодательных актах других отраслей права (подробнее см.: [18. С. 79–81]). Например, он порождает неблагоприятное правовое последствие в виде невозможности поступления на службу в ряд правоохранительных органов. В соответствующих федеральных законах закрепляется, что не принимаются на службу как лица, имеющие или имевшие судимость, так и те, в отношении которых осуществляется уголовное преследование либо уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям. Иными словами, при поступлении на правоохранительную службу прежде всего учитывается то, что кандидат совершил когда-либо преступление, а не то, как государство на это отреагировало (см., напр.: [28–30]). Примечательно, что в п. 3 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» в соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации [31] сделана оговорка о том, что сотрудник ОВД не подлежит увольнению, если на момент рассмотрения данного вопроса уголовным законом устранена преступность деяния, ранее им совершенного [32]. Здесь как раз указано то единственное из перечисленных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 оснований, которое действительно позволяет признать лицо впервые совершившим преступление.

Конечно, юридическое понимание лица, впервые совершившего преступление, должно отличаться от обыденного. Поскольку факт совершения лицом преступления требуется устанавливать в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, постольку человек, фактически совершивший преступление, не может считаться таковым, если его вина в совершении преступления не доказана. Другое дело, что пока существует институт освобождения от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям, лицо, освобожденное по одному из таких оснований, следует считать виновным в совершении преступления со всеми вытекающими отсюда последствиями, что и зафиксировано в перечисленных и ряде иных федеральных законов.

Итак, на основе анализа буквы закона Пленуму Верховного Суда Российской Федерации необходимо кардинальным образом пересмотреть свою позицию по данному вопросу и дать разъяснение нижестоящим судам примерно такого содержания:

«Впервые совершившим преступление следует считать лицо, в отношении которого:

- уголовное преследование никогда не осуществлялось;*
- уголовное преследование осуществлялось, но было прекращено в связи с его непричастностью к совершению преступления, отсутствием события преступления либо отсутствием в деянии состава преступления, в том числе в связи с устранением преступности деяния в период уголовного преследования;*
- уголовное преследование закончилось привлечением лица к уголовной ответственности или освобождением от нее по нереабилитирующим основаниям, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, в совершении которого лицо было признано виновным».*

В заключение следует отметить, что предложенная трактовка данного ключевого понятия для формирования непротиворечивой и взвешенной практики освобождения от уголовной ответственности, вероятно, в ближайшем будущем не будет востребована высшей судебной инстанцией. В любом случае для решения указанной проблемы требуется продолжение широкой теоретической дискуссии о возможности придания юридическому факту совершения преступления статуса события, не имеющего срока давности, независимо от того, сохраняются ли какие-либо уголовно-правовые последствия такого события или возможность их наступления.

Литература

1. Преступность и правонарушения (1990–1994) : стат. сб. М., 1995. 191 с.
2. О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека : заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13.09.1990 № 2–8 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1990. № 39. Ст. 775.
3. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М. : ЮрИнфоР-МГУ, 2008. 249 с.
4. По делу о проверке конституционности статьи 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова : постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1996. № 18-П // Рос. газета. 1996. 6 нояб.
5. Кузнецов А.В. Изменение обстановки как основание освобождения от уголовной ответственности или наказания. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. 92 с.
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013, 2017 гг. Ф. 10.2 // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 19.09.2018).
7. Сабанин С.Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. академия ; Екатеринбург. высш. шк. МВД РФ, 1993. 170 с.
8. Разгильдиев Б.Т. Конституционная «презумпция невиновности» и ее отражение в уголовном законодательстве России // Конституционные основы уголовного права : материалы I всерос. конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2006. С. 493–497.
9. Проценко С.В. О противоречии действующего института освобождения от уголовной ответственности основным положениям Конституции РФ // Российский следователь. 2010. № 19. С. 22–26.

10. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 31–35.

11. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 4. С. 7–15.

12. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4. С. 2–10.

13. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядков освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8. С. 5–8.

14. Корниенко В.Т. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 51–53.

15. Николаев П., Уразбаев Р. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // Законность. 2016. № 8. С. 34–36.

16. Стадниченко О. Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие «лицо, впервые совершившее преступление» // Законность. 2016. № 8. С. 37–38.

17. Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87–90.

18. Кострова М.Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 70–83.

19. Пархоменко Д.А. Об определении понятия лица, впервые совершившего преступление, основанного на уголовном законе // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1. С. 90–95.

20. Шнитенков А.В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 21–22.

21. Кузнецова Н.В. Процессуальные проблемы применения уголовного закона о множественности преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2001. 48 с.

22. Пустовая И.Н. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования с освобождением лица от уголовной ответственности (ст. 6–9 УПК РСФСР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. 30 с.

23. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012. 231 с.

24. Звечаровский И.Э. О чем не сказал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 // Российский следователь. 2014. № 7. С. 35–38.

25. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. : Юркнига, 2003. 478 с.

26. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб. : Юрид центр Пресс, 2005. 329 с.

27. Нечепуренко А.А. Перспективы закрепления судимости как основной формы реализации уголовной ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2. С. 37–43.

28. О следственном комитете Российской Федерации : федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ // Рос. газета. 2010. 30 дек.

29. О Федеральной службе безопасности : федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ // Рос. газета. 1995. 12 апр.

30. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации : федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Рос. газета. 2011. 30 нояб.

31. По делу о проверке конституционности пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Д.А. Васина и И.С. Кравченко : постановление Конституционного суда Российской Федерации от 11.11.2014 № 29-П // Рос. газета. 2014. 21 нояб.

32. О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части уточнения ограничений, обязанностей и запретов, связанных со службой в органах внутренних дел Российской Федерации и оснований прекращения или расторжения контракта о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации : федеральный закон от 12.02.2015 № 16-ФЗ // Рос. газета. 2015. 16 фев.

Nechepurenko Alexey A., Baburin Vasily V., Omsk Russian Interior Ministry Academy (Omsk, Russian Federation)

"CRIME COMMISSION FOR THE FIRST TIME" AS A KEY CONCEPT FOR OPTIMIZATION OF APPLICATION OF INSTITUTE OF RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY

Keywords: release from criminal liability, criminal record, wine, condemnation, the person who for the first time committed a crime.

DOI: 10.17223/22253513/30/6

In article one of the most controversial issues in the theory of criminal law of validity of existence of institute of release from criminal liability and its broad application is considered. The emphasis is placed that norms of this institute in 1990 on the basis of rather weighed assessment were recognized Committee of the constitutional supervision of the USSR contradicting the Constitution of the USSR. The analysis of institute of release from criminal liability by the Russian criminal legislation in terms of its compliance to the Constitution of the Russian Federation is carried out. A conclusion is formulated that now to refuse the considered criminal institute, despite all its shortcomings, it is inexpedient as it can paralyze the system of criminal justice.

The discrepancy of decisions of the Supreme Court of the Russian Federation on such central question concerning optimization of practice of application of release from criminal liability as explanation of the concept "the person who for the first time committed a crime" is shown. The points of view of erudite and practical employees of law-enforcement bodies on the solution of this problem are analyzed. The concepts "wines" and "condemnation" are differentiated. It is emphasized that as guilt in commission of crime it is actually ascertained according to the criminal procedure legislation not only the court verdict which took legal effect but also other procedural acts so far as there is an occasion to doubt faultlessness of the formulation of the principle of a presumption of innocence enshrined in the Constitution and reproduced in Article 14 of the Code of Criminal Procedure by the Russian Federation. Examples of what the fact of commission of crime according to a number of federal laws attracts for the person found guilty of his commission, adverse effects of termless character are given. Arguments in favor of own point of view speak on a solution about what should be understood as "crime commission for the first time", cardinally different from the position accepted in judicial practice.

Author's vision of maintenance of this concept is in conclusion given. It is offered to recognize what for the first time committed a crime should be considered as the person concerning whom criminal prosecution was never conducted, and the person concerning whom criminal prosecution was conducted, but it was stopped in connection with his non-participation in crime commission, the absence of evidence of a crime or absence in act of corpus delicti, including in connection with elimination of crime of act during criminal prosecution. It is necessary to include in the maintenance of this concept also the third situation when criminal prosecution ended with involvement of the person to criminal liability or release from it on not rehabilitating bases, but at the time of judicial proceedings crime of act of which commission the person was found guilty is eliminated.

References

1. Ministry of Internal Affairs. (1995) *Prestupnost' i pravonarusheniya (1990–1994)* [Crime and offenses (1990–1994)]. Moscow: Ministry of internal Affairs.
2. Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. (1990) On incompatibility of the norms of criminal and criminal procedure legislation defining the grounds and procedure for exemption from criminal liability using administrative measures or public influence, the Constitution of the USSR and international acts on human rights: Resolution No. 2–8 of the Committee of the USSR Constitutional Supervision dated 13.09.1990. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. 39. Art. 775. (In Russian).
3. Filimonov, V.D. (2008) *Ugolovnaya otvetstvennost' po rossiyskomu zakonodatel'stvu* [Criminal liability under Russian law]. Moscow: YurInfoR-MGU.
4. Constitutional Court of the Russian Federation. (1996) On the verification of the constitutionality of Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen O.V. Sushkova: Resolution № 18-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.28.1996. *Rossiyskaya gazeta*. 6th November. (In Russian).
5. Kuznetsov, A.V. (2008) *Izmenenie obstanovki kak osnovanie osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti ili nakazaniya* [Changing the situation as a basis for exemption from criminal liability or punishment]. Omsk: Omsk State University.
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2013, 2017 gg. F. 10.2* [Summary statistics on criminal status in Russia for 2013, 2017 F. 10.2]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru>. (Accessed: 19th September 2018).
7. Sabanin, S.N. (1993) *Spravedlivost' osvobozhdeniya ot ugolovnogo nakazaniya* [Justice exemption from criminal punishment]. Ekaterinburg: Ural State Legal Academy.
8. Razgildiev, B.T. (2006) [Constitutional “presumption of innocence” and its reflection in the criminal legislation of Russia]. *Konstitutsionnye osnovy ugolovnogo prava* [Constitutional Foundations of Criminal Law]. Proc. of the First All-Russian Congress. Moscow: Moscow State University. pp. 493–497. (In Russian).
9. Protsenko, S.V. (2010) O protivorechii deystviyushchego instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti osnovnym polozheniyam Konstitutsii RF [On the contradiction of the current institution of exemption from criminal responsibility to the main provisions of the Constitution of the Russian Federation]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 19. pp. 22–26.
10. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017) On Amendments to Certain Decrees of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal responsibility: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 56. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 1. pp. 31–35. (In Russian).
11. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (2007) 4. pp. 7–15.
12. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (2011) 4. pp. 2–10.
13. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) On the application by courts of legislation, regulatory grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 8. pp. 5–8.
14. Kornienko, V.T. (2007) Ponyatie litsa, vpervye sovershivshego prestuplenie [The notion of a person who first committed a crime]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 8. pp. 51–53.
15. Nikolaev, P. & Urazbaev, R. (2016) Zakon dopuskaet sovershenie nekotorykh prestupnykh deyanii mnogokratno i beznakazanno [The law permits the commission of certain criminal acts repeatedly and with impunity]. *Zakonost'*. 8. pp. 34–36.
16. Stadnichenko, O. (2016) Preventivnaya sostavlyayushchaya nekotorykh osnovaniy osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti, sodержashchikh ponyatie “litso, vpervye sovershivshee prestuplenie” [Preventive component of some grounds for exemption from criminal liability, containing the notion of “first-time offender”]. *Zakonost'*. 8. pp. 37–38.
17. Larina, L.Yu. (2014) Ponyatie litsa, vpervye sovershivshego prestuplenie [The notion of a first-time offender]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*. 1. pp. 87–90.

18. Kostrova, M.B. (2015) The term «first time criminal offender» within the context of interrelations among criminal law and other branches of Russian law. *Lex russica*. 8. pp. 70–83. (In Russian).

19. Parkhomenko, D.A. (2018) Of the Definition of the Person Has Committed a Crime Based on Criminal Law. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald*. 1. pp. 90–95. (In Russian).

20. Shnitenkov, A.V. (2009) Sovershenie prestupleniya v pervye kak uslovie osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti [Committing a crime for the first time as a condition of exemption from criminal liability]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 21–22.

21. Kuznetsova, N.V. (2001) *Protsessual'nye problemy primeneniya ugovnogo zakona o mnozhestvennosti prestupleniy* [Procedural problems of the application of the criminal law on the multiplicity of crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Izhevsk.

22. Pustovaya, I.N. (2002) *Prekrashchenie ugovnogo dela v stadii predvaritel'nogo ras-sledovaniya s osvobozhdeniem litsa ot ugovnoy otvetstvennosti (st. 6–9 UPK RSFSR)* [Termination of a criminal case at the stage of preliminary investigation with the release of a person from criminal responsibility (Art. 6–9 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR)]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.

23. Endoltseva, A.V. (2012) *Institut osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti: problemy i puti ikh resheniya* [Institute of exemption from criminal liability: problems and ways to solve them]. Moscow: Yuniti-Dana: Zakon i pravo.

24. Zvecharovskiy, I.E. (2014) What issues were not discussed by the Plenum of the Supreme Court of the RF in Decree № 19 of June 27, 2013. *Rossiyskiy sledovatel'–Russian Investigator*. 7. pp. 35–38. (In Russian).

25. Ter-Akopov, A.A. (2003) *Prestuplenie i problemy nefizicheskoy prichinnosti v ugo-lovnom prave* [Crime and the problems of non-physical causality in criminal law]. Moscow: Yurkniga.

26. Mitskevich, A.F. (2005) *Ugovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy deystviya* [Criminal punishment: concept, goals and mechanisms of action]. St. Petersburg: Yurid tsentr Press.

27. Nechepurenko, A.A. (2012) Perspektivy zakrepleniya sudimosti kak osnovnoy formy realizatsii ugovnoy otvetstvennosti [Prospects for fixing a criminal record as the main form of criminal responsibility implementation]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2. pp. 37–43.

28. Russian Federation. (2010) O sledstvennom komitete Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 28.12.2010 № 403-FZ [On the investigative committee of the Russian Federation: Federal Law No. 403-FZ of December 28, 2010]. *Rossiyskaya gazeta*. 30th December.

29. Russian Federation. (1995) O Federal'noy sluzhbe bezopasnosti: federal'nyy zakon ot 03.04.1995 № 40-FZ [On the Federal Security Service: Federal Law № 40-ФЗ of March 4, 1995]. *Rossiyskaya gazeta*.

30. Russian Federation. (2011) On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation: Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011. *Rossiyskaya gazeta*. 30th November. (In Russian).

31. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2014) On the case of verifying the constitutionality of Clause 7 Part 3 of Article 82 of the Federal Law “On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and making amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with complaints from citizens of D.A. Vasin and I.S. Kravchenko: Resolution No. 29-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 11, 2014. *Rossiyskaya gazeta*. 21st November. (In Russian).

32. Russian Federation. (2015) On Amendments to the Federal Law “On Police” and the Federal Law “On Service in the Internal Affairs Agencies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” regarding clarification of restrictions, duties and prohibitions related to service in the bodies of the internal affairs of the Russian Federation and the grounds for termination or termination of the contract on service in the internal affairs bodies of the Russian Federation: Federal Law No. 16-FZ of February 12, 2015. *Rossiyskaya gazeta*. 16th February. (In Russian).